

О БОГАТОМ КЕЛЬТСКОМ ПОГРЕБЕНИИ СЕРЕДИНЫ VI в. до н. э. В ХОХДОРФЕ

Ф. И. Мец

Среди курганных захоронений гальштатской культуры выделяется группа могил, отличающихся большими размерами и выдающимся по количеству и качеству набором погребального инвентаря, в состав которого, как правило, входят повозка, изделия из драгоценных металлов, импортные бронзовые сосуды [Schnitzler, 1996. P. 111]. Захоронения эти в современной европейской археологической литературе обозначаются терминами, имеющими значение «княжеское погребение» (“Das Fürstengrab”, “La Tombe princière”, “Chieftain’s grave”). Указанные термины носят достаточно условный характер, так как социальная структура кельтского общества гальштатской эпохи изучена еще недостаточно и функции кельтских «князей» разными исследователями оцениваются неоднозначно: их считают старейшинами, вождями, царями, верховными жрецами и пр. (см.: [Willms, 2002. S. 6–7]). Между тем известно множество примеров, когда у народов, находящихся на одном с кельтами уровне социального развития, одно лицо могло аккумулировать в себе как светскую, так и духовную власть. И анализ погребального инвентаря позволяет ставить вопрос о том, что по крайней мере некоторым из кельтских «князей» такое «совмещение должностей» также было присуще.

Одним из интереснейших погребений «княжеского» ранга среди гальштатских древностей является исследованное в 1978–1979 гг. курганный захоронение в Хохдорфе близ г. Штутгарт (земля Баден-Вюртемберг, ФРГ), датированное примерно 550 г. до н. э. [Biel, 1998]. Не будучи ограбленным в древности и раскопанное с применением всех доступных к тому времени методов и технологий, оно дало в руки археологов богатейшую информацию, в том числе и полученную при исследовании артефактов, изготовленных из органических материалов (дерево, ткань, мех, следы алкогольного напитка, приготовленного из меда). Значение погребения в Хохдорфе определяется еще и тем, что оно, пожалуй, является самым «укомплектованным» различными предметами, неоднозначно трактуемым исследователями как изделия очень высокого семантического статуса среди памятников гальштата. Это деревянная повозка, предметы, входящие в комплект «столового» набора, огромный бронзовый котел, больше которого по объему среди материалов из гальштатских погребений только знаменитый кратер из Викса (см.: [Joffroy, 1979]), комплект из девяти ритонов, бронзовое погребальное ложе (клина), золотые украшения, найденные на скелете, кинжал, лук (?) и колчан со стрелами, конической формы головной убор из бересты. Очень интересны также реконструированные узоры, и их цветовое решение на многочисленных тканях, остатки которых прослежены буквально по всей площади погребальной камеры (рис. 1). Совокупность этих данных определенно указывает на неоднозначный социальный статус погребенного здесь лица, однако попытки их семантической интерпретации связаны с объективными сложностями, и прежде всего с отсутствием письменных источников, относящихся к гальштатскому периоду. Вместе с тем, учитывая несомненную принадлежность кельтов к индоевропейской языковой семье, а также широко распространенное мнение о том, что с доисторических времен от ирландского до манчжурского побережья существовала единая цивилизация (в том смысле, что никакие естественные или искусственные препятствия не мешали практически постоянным контактам между разными частями Евразийского континента), можно попытаться при осмыслении археологических источников кельтского происхождения использовать данные, накопленные при изучении других этносов и культур, иногда удаленных на значительные географические или хронологические расстояния, но находящихся примерно на одинаковом уровне социального развития. Такое допущение тем более вероятно, что состав погребального инвентаря «княжеского» погребения из Хохдорфа во многом перекликается с таковым из богатых погребений эпохи раннего железа на территории Евразии.

Учитывая, что кельты эпохи гальштата находились на стадии военной демократии и, по сообщениям более поздних античных авторов были буквально «помешаны» на войне, логично предположить, что «князь» из Хохдорфа также должен был быть военным вождем одного из кельтских племен. Обычным диагностирующим признаком воинских погребений является наличие в последних предметов вооружения. Основным оружием кельтов этого времени было копье, входившее в состав примерно 10 % мужских погребений [Spindler, 1983. S. 284–289]. Большое значение имел и меч, что документируется не только его находками в погребениях, но и изображением пляски с мечом на клине из Хохдорфа. Важно отметить, что особенно часты находки железных и бронзовых мечей (около 300 экз.) в районах гальштатской культуры севернее Альп [Plouin, 1996]. Достаточно часто (около 150 экз.) встречаются кинжалы [Spindler, 1983. S. 284–289]. Кроме того, в погребениях воинов иногда находят топоры [Pauli, 1978; S. 218–220, Taf. 140, 6; 219, C4], но К. Шпиндлер особо подчеркивает, что единичные их находки, как правило, связаны с инвентарем «княжеских» погребений [Spindler, 1983. S. 284–89]. Определенное значение как предмет вооружения имели также лук и стрелы. Эта категория представлена наконечниками стрел и остатками колчанов [Pauli, 1978. S. 228–236, Abb. 30, 3; Taf. 129D, 3–12; Wegner, 1978. S. 100–104, Abb. 7; Zeller, 1980. S. 124; Hoppe, 1983. S. 86–93, Abb. 7; 9; 1986. S. 59, Taf. 98, 3–19; 119, 4; Hennig, 2001. S. 54–55, Abb. 19]. Захоронение в Хохдорфе, по замечанию автора раскопок И. Биля, носило «мирный» характер. Действительно, в нем отсутствуют меч, защитное вооружение, а железные топор, нож и острие и отросток оленьего рога, лежавшие вместе с предметами, входящими в состав «парадного сервиза», по всей видимости, были не оружием, а «мясницкими принадлежностями» [Biel, 1998. S. 64] или, что более вероятно, «комплект» орудий, использовавшихся для заклания, освежевания и разделки туш животных, предназначенных для

общественных жертвоприношений [Pauli, 1988/89]. Обращает на себя внимание и отсутствие в погребальном комплексе изображений кабана, хотя фигурки этого универсального символа силы, могущества, воинской доблести известны у кельтов в сотнях экземпляров [Botheroyd S. und P. F., 1992. S. 94–95]. Однако это впечатление «мирного» характера может быть обманчивым. Уже отмечалось, что реальное значение оружия и присутствие его в качестве погребального инвентаря между собой не коррелируются [Spindler, 1983. S. 284–289], кроме того, и меч, и кинжал зачастую были символами, маркирующими высокое социальное или религиозное положение погребенного [Plouin, 1996. S. 20–25]. И такой символ в Хохдорфе есть — это кинжал, висевший на поясе «князя», причем по богатству и качеству отделки он занимает исключительное положение среди аналогичных изделий гальштата. Очень важной представляется находка в погребении колчана со стрелами (остатков лука зафиксировано не было). Й. Биль считает, что лук и стрелы, а также три железных рыболовных крючка, найденные на останках в районе груди, были не более чем «охотничьей амуницией» и указывают на личные пристрастия погребенного [Biel, 1998. S. 65–66]. Однако значение колчана со стрелами в погребении такого ранга могло быть и иным.

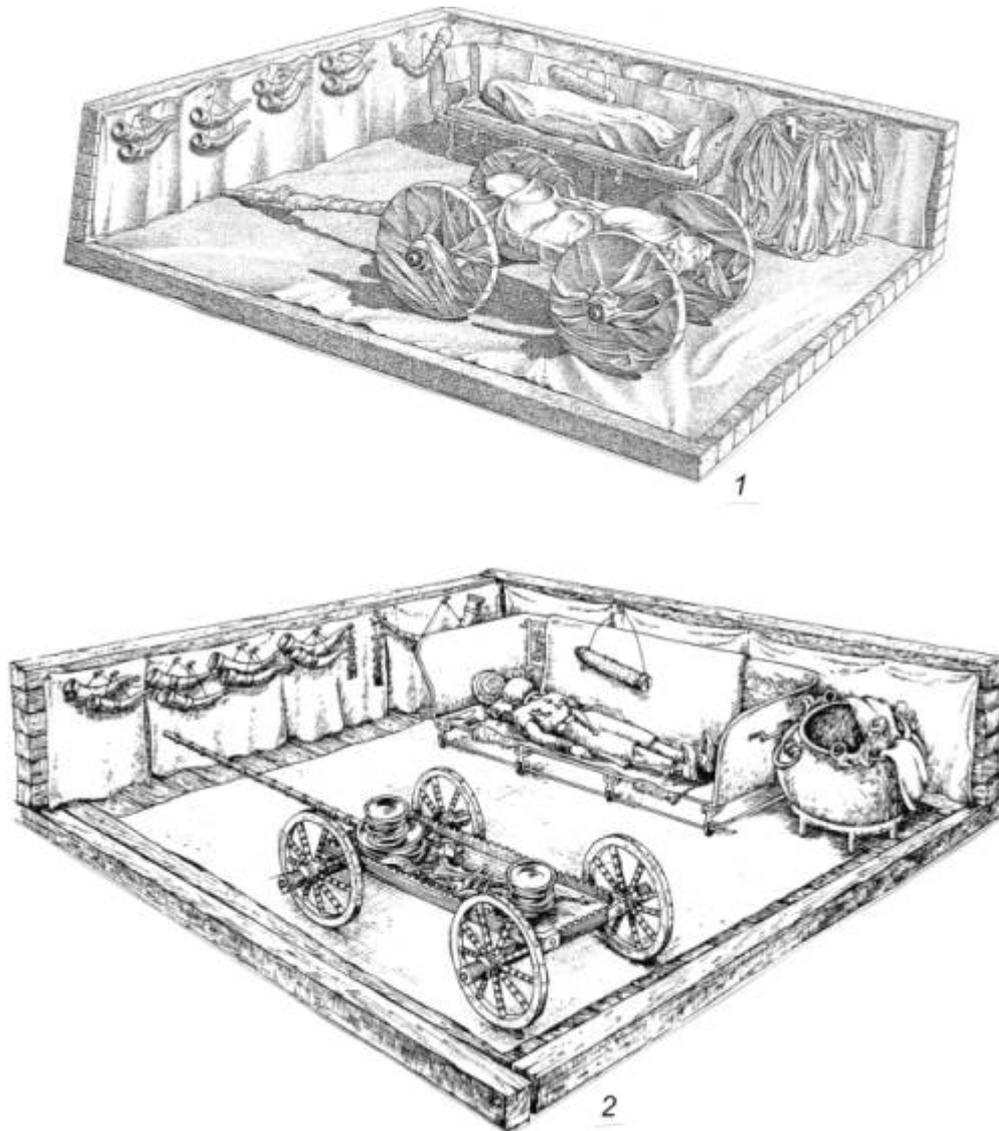

Рис. 1. Реконструкция внутреннего вида погребальной камеры кургана в Хохдорфе: 1 — с драпировкой (по: [Banck-Burgess, 1999]); 2 — без драпировки (по: [Biel, 1998])

Во многих культурах лук и стрелы с древнейших времен имеют символическое значение [Раевский, 1981; Савостина, 1983]. Особенно явственно сакрализация этого оружия выступает в эпоху раннего железа: приобретают большое значение различные ритуалы и обряды, основными атрибутами которых становятся лук и стрелы, у племен скифского и фракийского миров лук становится символом, инсигнией царской власти [Раевский, 1977. С. 75 сл.; Ancient Gold..., 1998. P. 164, cat. 93]. У кельтов на символическое значение этого оружия, как представляется, указывает зафиксированное в двух случаях присутствие колчанов наборов в «княжеских» погребениях (Хомихеле и Хохдорф), при том, что в рядовых могилах остатки колчанов встречаются очень редко. Показательно и положение колчана со стрелами в кургане у Хохдорфа. Если в Хомихеле он, судя по всему, лежал в головах мужского погребения [Fischer F., 1982. S. 15–16, Abb. 16–17], то у обладателя «золотого» кинжала он висел на спинке клины [Biel, 1998. S. 48, Abb. 33]. Подобная иконографическая схема — лук (в горите или без), висящий на дереве, на стене, на колонне, просто «парящий» в воздухе, в эпоху раннего железа получает очень широкое распространение на обширных пространствах Евразии. В иносказательном смысле эта формула являлась своеобразным

эпитетом, указывающим на героическую сущность персонажа (персонажей), над которым лук изображен [Савостина, 1983]. Причем иногда изображался не лук в горите, а просто горит. Не этим ли объясняется отсутствие следов лука в погребениях Хомихеле и Хохдорфа?

Любопытен и состав колчанного набора из Хохдорфа. Он включал в себя четырнадцать стрел, тринадцать из которых имели железные наконечники типичной для гальштатских древностей формы, а одна — бронзовый (рис. 2). К. Шпиндлер отмечал, что для войны и охоты использовались только железные и бронзовые наконечники стрел [Spindler, 1983. S. 284–289]. Однако опубликованные в работах Г. Вегнера и Л. Паули бронзовые наконечники не производят впечатления утилитарных [Pauli, 1978, Abb. 30, 5; Wegner, 1978, Abb. 7; 8]. Они изготовлены из тонкого бронзового листка, имеют маленькие размеры, а некоторые выделаны откровенно небрежно. Все это, очевидно, и послужило основанием для предположения об их использовании в качестве подвесок и амулетов [Wegner, 1978. S. 110]. К числу амулетов, по-видимому, относился и наконечник из Хохдорфа. В рассматриваемом колчанном наборе этот наконечник, безусловно, выглядит анахронизмом. Архаичность обусловлена тупельчатой формой, живо напоминающей наконечники эпохи бронзы, и материалом изделия — бронзой. Также форма и материал к этому времени уже выходят из употребления. Но архаические стрелы (стрелы, вышедшие из употребления) или их модели часто приобретают сакральный статус: служат личными амулетами, используются в качестве подношений в храмы, прикладов на культовых местах и пр. Вероятно и применение таких стрел в обрядовых целях. В случае же с бронзовым наконечником актуализируется и сакральный статус самого металла — бронзы или ритуально тождественных ему понятий: «золото» — «красный» — «солнце» — «огонь» — «восток» (см.: [Ожередов, 1999]. Стрела с золотым наконечником есть в составе погребального инвентаря сакского «царского» кургана Иссык (Казахстан), где она связывается с ритуалом сакральной запашки вождем земли и в конечном счете с идеей плодородия, носителем и воплощением которой был вождь [Акишев, 1978]. Кроме того, стрела с бронзовым наконечником могла играть и роль апотропея, обладая способностью отгонять злых духов. Аналогичное предназначение можно предполагать и для стрел с бронзовыми наконечниками гальштатской культуры. Правомерность таких допущений обусловлена не только универсальностью мифологем, связанных с оружием, но и некоторыми совпадениями, случайный характер которых маловероятен. В данном случае интересно совпадение орнаментов, украшавших детали колчанов, у народов, прямые контакты между которыми в эпоху раннего железа практически исключены. При раскопках одного из курганов уюкской культуры скифского времени в Туве была обнаружена деревянная планка, игравшая роль ребра жесткости кожаного колчана. На нее был нанесен циркульный орнамент из двух концентрических кружков с точкой в центре. А. Д. Грач трактует этот орнамент как изображение солярного символа [1980]. Если учесть широкое распространение представлений о стреле как воплощении солнечного луча, то появление такого орнамента на колчане уместно и объяснимо. Но точно такой же орнамент был нанесен на роговое кольцо — основание колчана, обнаруженного в погребении 33 гальштатского могильника в Трейхтлинген-Шамбахе в Баварии [Норре, 1983. S. 89–91, Abb. 7].

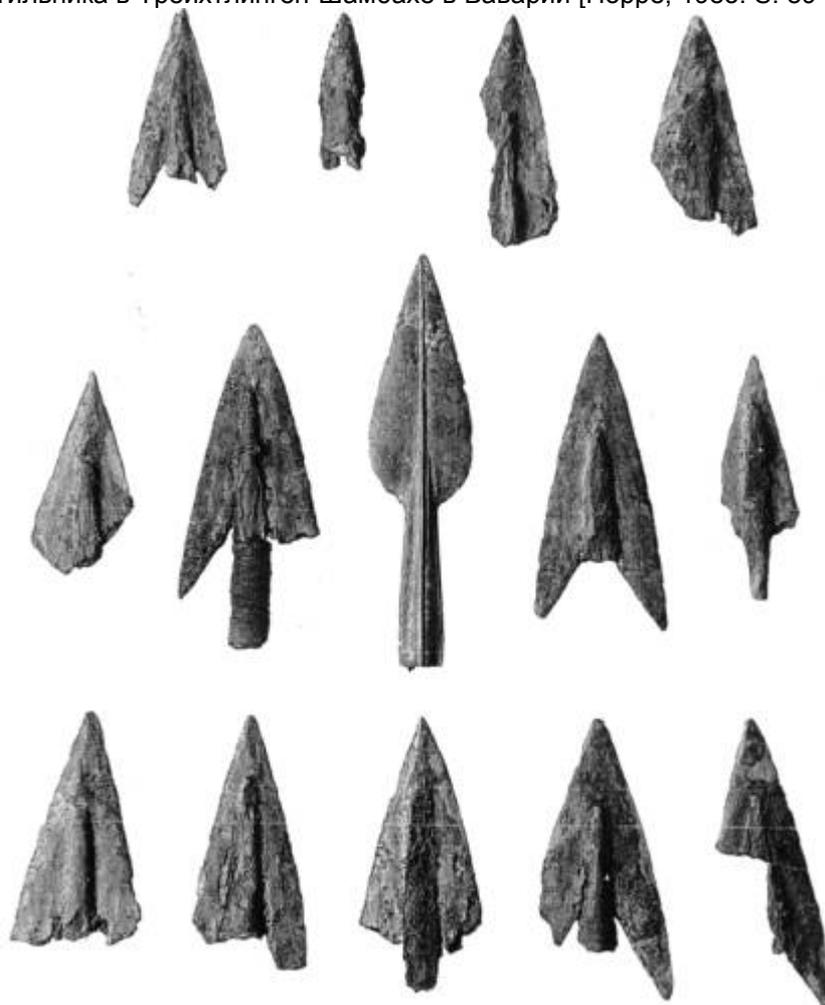

Рис. 2. Наконечники стрел из колчанного набора кургана в Хохдорфе:
(по: [Biel, 1998])

Об особом семантическом статусе стрелы с бронзовым наконечником из Хохдорфа, возможно, свидетельствует еще одна деталь. Результаты дендрологического анализа показали, что при изготовлении древков стрел, найденных в колчане «князя», использовались лещина, бересклет, калина, кизил. И только в одном случае была взята ива — для стрелы с бронзовым наконечником [Biel, 1998. S. 65]. Не исключено, что это не случайно и что для изготовления древка сакральной стрелы требовалась особая (сакральная) порода дерева. Здесь уместно вспомнить о том, что каменные наконечники стрел неолитической эпохи на территории Евразии очень часто имели форму, копирующую форму ивового листа.

Мировая этнография и данные письменных источников говорят о том, что обряды и ритуалы, в которых использовались лук и стрелы, так или иначе были связаны с лицами, наделенными в обществе высшими социальными и идеологическими полномочиями. Отвечал ли этим требованиям «князь» из Хохдорфа? Другими словами, был ли он не просто представителем знати, но лицом, сопоставимым по своим полномочиям с греческими басилевсами или лицами, похороненными в «царских» курганах скифского времени (Солоха, Куль-Оба, Чертомлык, Толстая Могила, Аржан, Пазырык, Иссык, Филипповка и т. п.)? Думается, что есть основания для положительного ответа на этот вопрос.

Анализ погребального обряда и инвентаря, а также данные письменных источников привели исследователей к заключению, что лица, погребенные в «царских» курганах эпохи раннего железа, были не просто носителями верховной власти, духовной и светской, но и одновременно символом Мирового порядка для представителей своего народа. Это обусловило предельный символизм всего, что было связано с погребением лиц такого ранга: сам погребальный обряд, погребальная утварь и ее расположение в погребальной камере, ритуалы, отправлявшиеся до, в процессе и после похорон. Такого рода символизм присущ и хохдорфскому погребению, многие детали которого могут получить объяснение исходя из аналогий в других культурах индоевропейского круга.

Высокое социальное положение «князя» из Хохдорфа, помимо размеров кургана и наличия «золотого» кинжала и колчана, подчеркивается и комплектом золотых украшений, обнаруженных на останках погребенного, в число которых входят: гривна, браслет, обкладка пояса, украшение обуви и две фибулы. Особенно интересны и показательны в данном контексте гривна и обкладка пояса. Последняя, судя по всему, уникальна. Если с территории гальштатской культуры происходит около 20 гривен из золота, то золотой пояс всего один, притом, что бронзовых известно до 500 [Biel, 1998. S. 61–63, 81]. Гривна в широком географическом и хронологическом диапазоне известна как символ власти, могущества, право на ношение которого строго регламентировалось. Пояс же считался одним из символов воинского сословия. Кроме того, в мифологиях народов, входящих в индоевропейское сообщество, красный цвет и соответствовавший ему в семантическом плане металл — золото были символами касты воинов. Поэтому столь «демонстративное» выделение золотыми обкладками кинжала и пояса (оба уникальны!) выглядит отнюдь не случайным. Помимо этого мог обыгрываться еще один момент. Известно, что наиболее распространенной мифологемой, отражающей идею мирового порядка, является мифологема Древа жизни с ее идеей трехчастного строения мироздания. То, что кельты в этом смысле не являлись исключением, доказывают хотя бы его изображение на знаменитом котле из Гундеструпа [Botheroyd S. und P. F., 1992. S. 30–31] и находка его позолоченной модели в составе культового ансамбля из Манхинга [Maier, 1990]. Идея трехчленности, трехчастности всего сущего пронизывала буквально все архаическое сознание. Особенно это касалось предметов или персон, сакрально значимых для того или иного коллектива. Этой универсальной космической триаде должно было соответствовать и человеческое тело. Ярким примером отображения этой идеи служит татуированная мумия погребенного вождя во II Пазырыкском кургане на Алтае. Зооморфные образы, изображенные на его теле, строго соответствуют представлениям об обитателях нижнего, среднего и верхнего миров [Руденко, 1953. С. 136–140, рис. 80, 81]. Этой же идее сакрального разделения человеческого тела на три зоны служили и такие атрибуты, как гривна (шейный обруч, пектораль, торквес) и пояс.

Похороненный в Хохдорфе лежал на бронзовой клине. Для гальштатских древностей это изделие уникально и не имеет аналогов. Однако уникальность относится к форме и материалу изделия, но не к самому факту его присутствия в погребении такого ранга. Результаты исследования, проведенного Ю. Фишер, показали, что клина, богато инкрустированная роговыми (?), янтарными и слоновой кости пластинками, находилась еще в одном «княжеском» погребении гальштата — Графенбюле [земля Баден-Вюртемберг, ФРГ]. Причем эта клина несомненно была изготовлена аттическими ремесленниками [Fischer J., 1990]. Но вместе с самой клиной из греческого мира в кельтскую среду могли проникнуть также и представления, связанные с ее конкретным назначением. В древней Элладе клина предназначалась для возлежания участников симпозионов, имевших культовый либо светский характер. Известны в греческой вазописи и сцены протезиса с изображением лежащего на клине покойника. Однако в погребениях греков клины редки. Судя по всему, клины, обнаруженные в погребениях кельтов, также не были только погребальной утварью, а служили умершим при жизни: на опорах клины из Хохдорфа, имеющих вид женских фигур на колесиках, видны явные следы стертости [Biel, 1998. S. 98]. Можно допустить обычное утилитарное предназначение этого вида мебели в качестве престижной принадлежности для пира, чего не исключает Й. Биль [Biel, 1998. S. 102], однако культовое выглядит все-таки предпочтительнее. Прямых аналогий клине из Хохдорфа, как уже отмечалось, нет, однако изображения близких по форме изделий примерно этого же времени имеются на предметах торевтики из Италии. Наиболее интересна в данном случае так называемая ситула Чертоза из Болоньи. Й. Биль приводит в качестве примера лишь небольшой фрагмент ее декора с изображением двух музыкантов, сидящих на низком сиденье (клине) с резными ножками и боковинами в виде протом львов, заглатывающих добычу (человека и, видимо, зайца), отмечая

при этом явную мифологичность сцены [Biel, 1998. S. 99, Abb. 59]. Если же обратиться к публикации всего декора ситулы (рис. 3 [Zannoni, 1876. Tav. XXXV, 7]), то можно обнаружить целый ряд черт, имеющих параллели в погребении Хохдорфа, случайный характер которых маловероятен.

Декор ситулы состоит из четырех фризов. Верхний фриз — шествие пеших воинов в шлемах с копьями и щитами, ведомых двумя всадниками с топорами на плечах, замыкают строй четыре фигуры без щитов, также с топорами на плечах. Второй и третий фризы изображают сцены мирной жизни. Во втором представлено, по-видимому, шествие дароносцев: женщины, задрапированные в длинные одеяния и в платках, несут на головах сосуды и корзины, мужчины в юбках и с непокрытой головой несут ситулу, один ведет барана. Несколько мужчин в этой процессии показаны одетыми в длинные клетчатые одеяния типа плаща, на головах у них низкие островерхие шляпы со слегка загнутыми вверх краями. Эти шляпы живо напоминают берестяной головной убор, лежавший на клине в головах хохдорфского «князя», и, возможно, бывший в другом «княжеском» погребении в Бад-Канштате, также в районе Штутгарта [Biel, 1998. S. 64, Taf. 15]. Мужчины в этих шляпах несут ситулы, в руках или на плечах, либо идут без поклажи. Центром композиции третьего яруса как будто бы является клина, на которой сидят два музыканта. На музыкантах, а также персонажах в клетчатых «плащах» справа и слева от клины такие же низкие островерхие головные уборы. Над клиной изображена «висящая» ситула, над ее боковинами возвышаются две обнаженные мужские фигуры, протягивающие вперед руки, как бы осеняя сидящих. Справа от клины изображен сосуд на высокой резной подставке, по бокам которого стоят двое в таких же головных уборах, как и музыканты; один из них держит над сосудом ложку-черпак. Справа и слева «слуги» в полукруглых шапочках подносят к клине туши убитых животных: справа двое несут на плечах оленя, слева один тащит за задние ноги вепря, на котором сидит хищная птица (орел?); над ней — растительный побег. Далее, в противоположную от клины сторону, «слуга» гонит двух быков; в руках он держит непонятный предмет, возможно плуг. На другом конце фриза, справа от несущих оленя, «слуга» с двумя булавами (?) в руках под деревом преследует длинноухое животное, видимо зайца. Четвертый, нижний, фриз изображает сцену шествия зверей: впереди олень, за ним оскалившие пасти хищники, напоминающие львов и собак, некоторые из них с крыльями. Последний в этом ряду, вероятно, сфинкс.

В декоре этой ситулы, имеющем, как отметил Й. Биль, явно мифологический характер, обращают на себя внимание персонажи в низких островерхих шляпах. Несмотря на то, что один из них несет на левом плече меч, а в опущенной правой руке топор, а идущий перед ним с ситулой в руке несет повешенный через плечо колчан, они не производят впечатления воинов. Более того, исполнение ими обряда возлияния позволяет видеть в них жрецов. Если это так, то третий фриз ситулы можно трактовать как изображение жертвенного акта (пиршества), посвященного божеству плодородия. В пользу такого предположения говорит многочисленная символика, соотносимая с идеей изобилия, которая в этом фризе присутствует: земледelec, гонящий быков на пахоту, растительный побег, ситула, фаллические персонажи, декор клины, где помимо меандра видны изображения птиц, скорее всего водоплавающих, а также сцены пожирания и преследования зайца. Водоплавающая птица во многих древних традициях связана с божествами плодородия, могла она также символизировать первопредка [Раевский, 1972; Кузьмина, 1979]. У кельтов этот образ также прочно увязывается с солярным культом [Bothroyd S. und P. F., 1992. S. 347–349] и эта традиция уходит корнями по крайней мере в эпоху бронзы [Jockenhövel, 2003]. Идею женского плодородия воплощал также заяц, и в искусстве Евразии эпохи раннего железа и в античном мотив его преследования встречается довольно часто [Раевский, 1978; Kellner, Zahihaas, 1993. S. 88, Abb. 12].

Рис. 3. Декор бронзовой ситулы из Болоньи (по: [Zannoni, 1876])

Погребенный в Хохдорфе также лежал на клине. Справа от клины, так же как и на ситуле из Болоньи, стояла емкость со священным напитком, для разливания которого была предназначена золотая чаша. В головах покойника, прислоненной к боковине клины, стояла низкая островерхая шляпа из бересты. Широкополюе шляпы, правда с высокой тульей, были атрибутом жреческого облачения в эпоху бронзы [Gerloff, 2003]. Не являлась ли берестяная шляпа хохдорфского «князя» также указанием на его жреческие функции? Охранительные функции береста получает по крайней мере в неолитическую эпоху (достаточно вспомнить известные на очень широкой территории погребения в берестяных чехлах), и этот материал, следовательно, уместен для изготовления сакрального облачения; к тому же, как уже отмечалось, белый цвет в индоевропейской традиции ассоциируется со жречеством. Кроме того, многие детали погребения указывают на связь захороненного с культом плодородия. Во-первых, солярную символику несет в своем декоре сама клина. Чеканенный пуансоном фриз, изображающий две повозки, в которых стоят вооруженные копьями и щитами воины, и три пары танцоров с мечами, обрамлен «солнечными барками», заканчивающимися головками водоплавающих (этот мотив распространен в Европе с конца эпохи бронзы), пары танцоров разделены другим универсальным солярным символом — проштампованными концентрическими кругами с умбоном в центре [Biel, 1998, Abb. 54]. Очень интересны и опоры клины, выполненные в виде держащих между ног колесо (как цирковые акробаты) женских фигур с возведенными к небу руками [Biel, 1998. S. 97–98, Abb. 57, Taf. 29–31]. И. Биль сопоставил их с бронзовыми вотивными фигурками из Парциншпитце и Пустерталея в Тироле, изображающими персонажей в позе Оранты, и с фигурой, держащей на поднятых руках чашу, в центре известной культовой повозки из Штайермарка [Biel, 1998. S. 100, Abb. 61–63]. Между тем фигурка из Парциншпитце, имеющая на груди знак в виде пяти кружков (как на игральной кости), может и руками с выделенными пальцами показывать «5» — священное число, символизирующее у кельтов бессмертие [Botheroyd S. und P. F., 1992. S. 131]. Возможно, опоры клины правильнее было бы сопоставить с фигурами индоевропейской «Владычицы зверей». Эта древняя богиня плодородия также изображалась в позе Оранты, ее образ представлен в серии золотых изделий скифов [Бессонова, 1982a] и в рельефах знаменитой фракийской гробницы в Свештари [Fol et al., 1986. P. 56, № 42, 43].

Символику, связанную с идеей плодородия в том или ином аспекте и переданную в виде концентрических кругов, ромбов, крестов, несут на себе и золотые украшения «князя», а также пиришественные принадлежности [Biel, 1998. Taf. 20–24, 32, 38, 39].

Традиция помещать в могилу повозку или колесницу появляется у индоевропейцев в эпоху бронзы и продолжает бытовать в более позднее время. В эпоху раннего железа у многих племен это принадлежность богатых погребений. Они известны у причерноморских скифов [Бессонова, 1982], фракийцев [Венедиков, 1960], китайская колесница, целиком сделанная из березы, обнаружена в Пазырыкском кургане V [Руденко, 1960. С. 232–236, табл. LII]. Большое значение повозке как элементу погребального инвентаря придавали кельты: как уже отмечалось, это был обязательный атрибут «княжеских» захоронений, и при невозможности помещения в могилу настоящей повозки ее могли заменить моделью. Следы такой модели прослежены в могильнике у Кематена в Баварии [Spoletschnik, Bartel, 1998]. Судя по солярной символике декора, сохранившегося на некоторых из них, повозки предназначались не для путешествия в подземный мир, а для вознесения на небо. Так, бронзовые бляхи-обкладки ящика повозки из пещеры Бычи Скала (бывшая ЧССР) представляют собой фриз из чередующихся свастики [Egg, 1989. Farbtaf. II]. Солярная символика присуща и повозке из Хохдорфа: на ее ярье были закреплены две бронзовые фигурки лошадок [Biel, 1998. S. 152, Abb. 82, Taf. 45–46; Green, 1992. P. 120–122; Botheroyd S. und P. F., 1992. S. 268–271]. Кроме того, топор, входивший в состав «мясницкого» набора или «комплекта для заклания», лежавшего на повозке, также подрашивал у кельтов связь с солнцем [Green, 1992. P. 36].

Показательна и цветовая и декоративная символика хохдорфских тканей, которую удалось реконструировать (см.: [Banck-Burgess, 1999]). Пол, стены камеры и клина были обтянуты тканью белого цвета. На стене, на повозке и на котле висели также тонкие полотнища с вышитым рисунком, основные орнаментальные мотивы которого — опять же ромбы, свастики и меандр. Абсолютно преобладающая цветовая гамма: белый, красный и синий [Banck-Burgess, 1999. Abb. 45–47, Taf. 29, Beil. 2]. По-видимому, этот орнаментальный и цветовой набор характерен для «княжеских» погребений гальштата: меандр и ромб с вписанной в него свастикой были изображены на ткани из Хомихеле [Banck-Burgess, 1999. Abb. 33], а в курганах в Глауберге и Райнхайме (все в ФРГ) кувшины с медом были обмотаны тканой лентой, имевшей кайму синего цвета [Frey, Herrmann, 1997. S. 540, Abb. 66]. Тканями красного, белого и синего цвета был несколько слоев обернут и труп хохдорфского «князя» [Banck-Burgess, 1999. Beil. 2]. В индоевропейской традиции, как уже отмечалось, белый цвет был цветом касты жрецов, красный — касты воинов. Синий же цвет у кельтов был посвящен богине земли [Sharkey, 1975. P. 52–53].

Таким образом, сопоставление имеющихся данных и привлечение индоевропейских аналогий позволяет говорить, что погребенный в Хохдорфе при жизни исполнял жреческие функции. Причем эти данные свидетельствуют в пользу того, что он был жрецом богини земли или, шире, богини плодородия.

Другие данные, однако, говорят о том, что это был человек, наделенный также и светской властью. Помимо уникального по богатству отделки кинжала об этом свидетельствует наличие в погребении принадлежностей для пира, прежде всего котла (который почти на 2/3 был заполнен напитком, приготовленным из меда) и комплекта из девяти ритонов. Роли алкогольных напитков в светских ритуалах

кельтов посвящена работа Б. Арнольд [Arnold, 1999]. Она приводит многочисленные данные о значении ритуала питья у кельтской элиты и указывает на то, что такое количество меда, которое было в котле из Хохдорфа (его объем более 500 л), могло быть приготовлено только для человека, обладавшего очень высоким социальным статусом. Об этом же говорит и сам факт присутствия котла в погребении. Многочисленные материалы мировой этнографии однозначно свидетельствуют о большой семантической нагруженности этого объекта. Котел выступает и как универсальный символ мироздания, и как связующее звено между различными мирами, и, что очень важно, как символ верховной власти того, кто им обладает [Плетнева, 1982. С. 22–23; Балакин, 1998. С. 200–204]. Выделяется и ритон, принадлежавший погребенному. В отличие от остальных, сделанных, видимо, из турьего рога и вмещавших около 1 л, этот был сделан из железа, имел золотую отделку и емкость в 5,5 л [Biel, 1998. S. 114–117, Abb. 68, Taf. 32]. Комплекты ритонов и столовых принадлежностей образуют число, кратное трем (9 ритонов, 9 тарелок и 3 блюда). Число «3» имело у кельтов магическое значение. В их искусстве часты различные треугольники, трилистники, триквестры и пр. [Botheroyd S. und P. F., 1992. S. 89–90]. Важно отметить и то, что, судя по античным источникам, основная боевая единица кельтов («тримаркизия») также состояла из трех человек. Возможно, девять человек (3×3) были кворумом, необходимым числом участников пира, обеспечивающим его сакральность (см.: [Arnold, 1999. P. 76–77]). Не исключено, что и эта традиция имела более широкое распространение. Бронзовый котел из Хохдорфа, изготовленный греками, имеет три ручки, расположенные под углом 120° друг относительно друга. Точно так же расположенные три ручки имеет котел из Бра (Ютландия), уже кельтской работы [Mortensen, 1991]. Но три ручки имеет и амфора, обнаруженная в скифском «царском» кургане Толстая Могила [Мозолевский, 1972. С. 280–281, рис. 8]. Такое количество и расположение ручек не объяснить удобством транспортировки, видимо, это имеет какой-то ритуальный смысл, обусловленный магическим значением тройки.

Особый интерес в рассматриваемом аспекте представляет тот факт, что, по представлениям кельтов, через алкоголь происходил процесс передачи власти новому правителю, и происходил он под покровительством богини земли [Arnold, 1999. P. 81]. Сходный ритуал имел место у скифов. В их «царских» погребениях неоднократно были встречены золотые и серебряные бляшки, пластины, накладки с изображением сидящей на троне богини и стоящего перед ней скифа с ритоном в руке. По мнению исследователей, здесь изображен акт вступления во власть нового правителя, закрепленный его символическим браком с богиней [Раевский, 1977]. Аналогичным образом клина в хохдорфском погребении, учитывая наличие таковых в «эротических» сценах на этрусских росписях (см.: [Arnold, 1999. P. 81]), может символизировать брак погребенного с земной богиней.

Высокий светский статус «князя» мог подчеркиваться и другими символами. Видимо, не случайно погребальные камеры Хохдорфа и Магдалененберга (еще одно «княжеское» погребение в Баден-Вюртемберге) были сделаны из дубовых балок, ведь дуб воплощал силу и могущество и в более позднее время соотносился у кельтов с образом Юпитера [Botheroyd S. und P. F., 1992. S. 32–33]. Аналогичное значение символа царя, царской власти имел в древности образ льва. У нас как будто бы нет данных о культе этого зверя в эпоху гальштата, и его изображения на греческом котле из Хохдорфа, пожалуй, единственные среди кельтских древностей этого времени. Однако из трех львов один имеет несомненно кельтское происхождение [Biel, 1998. S. 119–128, Abb. 69–71, Taf. 34–36]. Но, стремясь непременно воспроизвести на котле утраченный образ, кельты могли вкладывать в него и аналогичное содержание. Если это так, то клина, висящий над ней колчан и стоящий рядом котел могли параллельно символизировать и идею посмертного апофеоза умершего. На чернофигурной вазе VI в. до н. э., расписанной мастером Андокидом, изображен Геракл, пирующий на Олимпе в окружении богов. Он возлежит на клине, справа на высокой резной подставке динос с вином, над ним висят лук, горит и меч (рис.4; [Pfuhl, 1923. S. 70, № 265]). Сцена удивительно напоминает картину хохдорфского погребения. А если учесть, что к моменту погребения мед был еще не готов и что он предназначался для употребления в ином мире [Arnold, 1999. P. 87], то это сходство еще более усиливается.

Рис. 4. Пирующий Геракл. Чернофигурная ваза росписи Андокида (по: [Pfuhl, 1923])

Суммируя все вышесказанное, нужно отметить, что термин «князь» применительно к захороненному в Хохдорфе, видимо, не адекватно отражает ситуацию. Лица, похороненные в гальштатских курганах такого ранга, по-видимому, обладали как светской, так и духовной властью, что, в общем-то, характерно для многих народов, находившихся на аналогичной стадии общественного развития. И данные, полученные при изучении других культур и этносов, помогают понять и интерпретировать некоторые артефакты и их связи внутри богатых погребальных комплексов кельтов.

Разумеется, изучение погребения в Хохдорфе еще далеко не завершено. Многие детали его не получили пока убедительной интерпретации, и их присутствие в комплексе гробницы не совсем ясно. Думается, однако, что в гробнице такого ранга, где сакрализовано было буквально все, обыденному не должно было быть места, и вещи, утилитарное предназначение которых, казалось бы, не вызывает сомнений, могут иметь также (а может быть только) магический смысл. Так, в районе груди на погребенном были обнаружены остатки кожаной сумочки, украшенной зигзагообразным орнаментом из бронзовых бусинок, в которой находились три железных рыболовных крючка и пилочка для ногтей [Biel, 1998. S. 65–66, Abb. 40, 41, Taf. 18]. Й. Биль считает, что крючки, предназначенные для крупной рыбы и неизвестные в других богатых погребениях, указывают на личные пристрастия «князя», бывшего заядлым рыбаком и охотником [Biel, 1998. S. 65–66]. Но, если учесть вероятный символический смысл колчана и отсутствие следов лука, а также довольно странное для рыболовных принадлежностей местоположение (в мешочке, у груди), то такое их значение вызывает определенные сомнения. В искусстве кельтов рыба, хотя это и был универсальный символ нижнего мира, не играла заметной роли. Тем не менее ее изображения есть на котле из Гундеструпа, где она переносит умерших в другой мир [Botheroyd S. und P. F., 1992. S. 126–127], можно упомянуть также кельтиберскую керамику II–I вв. до н. э. из Нумантии (Испания), где изображены пожирающие рыбу животные, похожие на лошадей [Almagro-Gorbea, 1991. P. 397]. Две рыбы в качестве заупокойной пищи были помещены в одну из гальштатских могил в Трейхтлинген-Шамбахе, при том, что обычно клали мясо овцы, козы, свиньи [Норре, 1983. S. 86]. Поэтому можно допустить, что рыболовные крючки выполняли здесь функции апотропея, защищавшего покойника от нижнего мира. Сакральное значение мог иметь и «туалетный набор» «князя», в который входили железная бритва, два деревянных гребня и пилочка для ногтей [Biel, 1998. S. 66–67, Abb. 41–42, Taf. 6a]. Й. Биль отмечает типичность этих находок для эпохи среднего гальштата. Гребни не редкость и в курганах скифов и сарматов. Достаточно вспомнить хотя бы такой шедевр, как золотой гребень из кургана Солоха [Gold der Skythen..., 1984. Kat. № 51]. Вероятно, это связано с обычным для древних особым отношением к волосам и ногтям, заключающих в себе жизненные силы человека. Для эпохи раннего железа это явление документируется находками в погребальных камерах Пазырыкских курганов, кожаных мешочков с обрезками волос и ногтей [Руденко, 1953. С. 335–336, табл. LXXXVI, 2–6]. Отсюда вытекает и магическое значение средств ухода за ними. Кроме того, стоит вспомнить, что у некоторых народов был обычай брить головы жрецам.

На шее покойника была надета низка из пяти просверленных янтарных бус. Й. Биль, ссылаясь на магическую сущность янтаря, совершенно справедливо отмечает, что это было не украшение, а амулет [Biel, 1998. S. 68, Taf. 19], тем более что и число «5» — священное. Но эту же роль могли играть и две пары фибул (бронзовые и золотые). Будучи чрезвычайно широко распространенным элементом костюма, в кургане Хохдорфа они, однако, скрепляли между собой концы погребальных полотнищ [Biel, 1998. S. 68, Abb. 43, 45, Taf. 21; Banck-Burgess, 1999. Veil. 2]. Это мешает считать их просто личными вещами умершего. Кроме того, фибулы у ранних кельтов были, вероятно, категорией изделий, которые часто жертвовали богам. Так, раннекельтский жертвенный комплекс у Эгесхайма (юго-запад ФРГ) насчитывал всего 114

находок (фибул, колец, наконечников стрел и пр. из железа, бронзы, золота) из которых 68 были фибулами или их обломками [Bauer, Kuhnen. 1995].

В некоторых из погребальных пелен, а также в набивке матраца, который лежал на клине, отмечено присутствие меха барсука [Körber-Grohne, 1985. S. 112–114]. Есть мнение, что на некоторых золотых бляхах-поясных накладках, происходящих из грабительских раскопок южно-сибирских курганов раннекочевнической знати, изображена сцена борьбы барсука со змеей. Зверь этот является истребителем змей, в том числе ядовитых, и был широко распространен как в Азии, так и в Европе (см.: [Штейн, 1966]). Можно думать, что барсучий мех в данном случае — амулет против змей, а если вспомнить, что змея — символ подземного мира, то присутствие такого амулета в погребении, ориентированном на «верхний» мир, вполне логично.

Помимо барсучьего меха, в тканях, в которые был завернут труп, были прослежены волокна конопли [Körber-Grohne, 1985. S. 102–107]. Не исключено, что технология изготовления таких тканей была заимствована кельтами с Востока [Парцингер, 1998. С. 113]. Но, согласно Геродоту [Her., IV, 73–75], те же скифы использовали коноплю как наркотик во время очистительных обрядов, а в Пазырыкских курганах были обнаружены целые приспособления для ее воспкурения [Руденко, 1953. С. 332–334, рис. 52а, табл. XXIV]. Допустимо, что и в Хохдорфе эти ткани также заключали в себе некий сакральный смысл и играли роль апотропеев.

Между погребальными пеленами и под клиной отмечено наличие цветочной пыльцы (см.: [Banck-Burgess, 1999. Weil. 2]). Цветок был одним из атрибутов богини плодородия, и в могиле он символизировал возрождение к новой жизни. Очевидно, в древности этот обычай был широко распространен, однако из-за отсутствия специальных анализов проследить его удается далеко не всегда. Тем не менее он зафиксирован в курганах с мерзлотой пазырыкской культуры. Там очень часто встречаются в могилах ветки курильского чая. Желтые цветы этого растения, без сомнения, ассоциировались с солнцем и призваны были обеспечить бессмертие ушедшему в другой мир (см.: [Полосьмак, 2001]).

Высказанные соображения, разумеется, не претендуют на безоговорочность и далеко не исчерпывают информативный потенциал уникального захоронения в Хохдорфе. Однако выбранный путь — широкого привлечения индоевропейских материалов для интерпретации кельтских древностей — представляется весьма плодотворным и многообещающим.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев А. К.* Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык) // КСИА АН СССР. Вып. 154. 1978. С. 39–48.
- Балакин Ю. В.* Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск, 1998. 287 с.
- Бессонова С. С.* О скифских повозках // Древности Степной Скифии. Киев, 1982. С. 102–117.
- Бессонова С. С.* «Серьги» с изображением владычицы зверей из скифских погребений IV в. до н. э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982а. С. 18–36.
- Венедиков И.* Тракийската колесница. София, 1960. 251 с.
- Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 156 с.
- Кузьмина Е. Е.* Золотая пластина с птицами из Амударьинского клада // КСИА АН СССР. 1979. Вып. 159. С. 63–68.
- Мозолевский Б. Н.* Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине (предварительная публикация) // СА. 1972. № 3. С. 268–308.
- Ожередов Ю. И.* Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск, 1999. С. 77–119.
- Парцингер Г.* Степные кочевники на востоке Центральной Европы. Находки и памятники в свете сравнительной археологии // ВДИ. 1998. № 2. С. 104–115.
- Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиск исторических закономерностей. М., 1982. 188 с.
- Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.
- Раевский Д. С.* О семантике одного из образов скифского искусства // Новое в археологии. М., 1972. С. 63–68.
- Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. 216 с.
- Раевский Д. С.* Из области скифской космологии (Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы) // ВДИ. 1978. № 3. С. 115–133.
- Раевский Д. С.* Куль-обские лучники // СА. 1981. № 3. С. 44–51.
- Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с., ил.
- Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 359 с., ил.
- Савостина Е. А.* К символике изображения лука на Боспоре // СА. 1983. № 4. С. 45–56.
- Штейн В. Ф.* Золотые сибирские пластины с изображением «кабана», обвитого змеей // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. С. 259–266.
- Ancient Gold. The Wealth of the Thracians.* 1998. N. Y. 256 p.
- Almagro-Gorbea M.* The Celts of the Iberian Peninsula // The Celts. Milano, 1991. P. 389–407.
- Arnold B.* "Drinking the Feast": Alcohol and the Legitimation of Power in Celtic Europe // Cambridge Archaeological Journ. 1999. № 9. P. 71–93.
- Banck-Burgess J.* Die Textilfunde aus dem späthallstattzeitlichen Fürstengrab von Eberdingen-Hochdorf (Kreis Ludwigsburg) und weitere Grabtextilien aus hallstatt- und latènezeitlichen Kulturgruppen // Hochdorf IV. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Stuttgart, 1999. Band 70. 292 S.
- Bauer S., Kuhnen H.-P.* Ein "Starker Ort": Der frühkeltische Opferplatz bei Egesheim, Lkr. Tuttlingen // Heiligtümer und Opferkulte der Kelten. Stuttgart, 1995. S. 51–54.

- Biel J.* Der Keltenfürst von Hochdorf. Stuttgart, 1998. 172 S.
- Bothroyd S. und P. F.* Lexikon der keltischen Mythologie. München, 1992. 383 S.
- Egg M.* Hallstattzeitliche Wagen. Mainz, 1989. 32 S.
- Fischer F.* Frühkeltische Fürstengräber in Mitteleuropa // Antike Welt. Mainz, 1982. № 13 (Sondernummer). 72 S.
- Fischer J.* Zu einer griechischen Kline und weiteren Südimporten aus dem Fürstengrabhügel Grafenbühl, Asperg, Kr. Ludwigsburg // Germania. 1990. № 68/1. S. 115–127.
- Frey O. H., Herrmann F. R.* Ein frühkeltischer Fürstengrabhügel am Glauberg im Wetteraukreis, Hessen. Bericht über die Forschungen 1994–1996 // Germania. 1997. № 75/2. S. 459–550.
- Fol A., Chichikova M., Ivanov T., Teofilov T.* The Thracian Tomb Near The Village of Sveshtari. Sofia, 1986. 124 p.
- Gerloff S.* Goldkegel, Kappe und Axt: Insignien bronzezeitlichen Kultes und Macht // Gold und Kult der Bronzezeit. Nürnberg, 2003. S. 190–204.
- Green M.* Dictionary of Celtic Myth and Legend. London, 1992. 240 p.
- Gold* der Skythen aus der Leningrader Eremitage. München, 1984. 264 S.
- Hennig H.* Gräber der Hallstattzeit in Bayerisch-Schwaben. Stuttgart, 2001. 304 S., III.
- Hoppe M.* Drei hallstattzeitliche Pfeilköcher aus Treuchtlingen-Schambach, Ldkr. Weißenburg-Gunzenhausen, Mittelfranken // Archäologisches Korrespondenzblatt. Mainz, 1983. № 13. S. 85–94.
- Hoppe M.* Die Grabfunde der Hallstattzeit in Mittelfranken / Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte. Kallmünz, 1986. Band 35. 193 S., Taf.
- Jockenhövel A.* Querverbindungen in Handwerk und Symbolik zwischen Gold- und Bronzezeit // Gold und Kult der Bronzezeit. Nürnberg, 2003. S. 107–115.
- Joffroy R.* Vix et ses Trésors. Paris, 1979. 240 p.
- Kellner H.-J., Zahlhaas G.* Der Römische Tempelschatz von Weißenburg i. Bay. Mainz, 1993. 163 S., Taf.
- Körber-Grohne U.* Die biologischen Reste aus dem hallstattzeitlichen Fürstengrab von Hochdorf, Gemeinde Eberdingen (Kreis Ludwigsburg) // Hochdorf I. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Stuttgart, 1985. Band 19. S. 85–162.
- Maier F.* Das Kultbäumchen von Manching. Ein Zeugnis hellenistischer und keltischer Goldschmiedekunst aus dem 3. Jahrhundert v. Chr. // Germania. 1990. № 68/1. S. 129–165.
- Mortensen P.* The Bra Cauldron // The Celts. Milano, 1991. P. 375.
- Pauli L.* Der Dürrnberg bei Hallein III // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. 1978. Band 18/1. 520 S.
- Pauli L.* Zu Gast bei einem keltischen Fürsten // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1988/89. Band 118/119. S. 291–303.
- Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung bei den Griechen. München, 1923. Band I–III.
- Plouin S.* Die Schwertgräber // Trésors Celtes et Gaulois. Colmar, 1996. S. 21–25.
- Schnitzler B.* Trésors Celtes et Gaulois. Colmar. 1996. S. 105–111.
- Sharkey J.* Celtic Mysteries. The Ancient Religion. London, 1975. 96 p.
- Spindler K.* Die frühen Kelten. Stuttgart, 1983. 447 S.
- Spoletschnik E., Bartel A.* Ein hallstattzeitliches Wagengrab aus Kemmathen, Gemeinde Hiltlpoltstein, Landkreis Forchheim // Das archäologische Jahr in Bayern. 1997. Stuttgart, 1998. S. 95–99.
- Wegner G.* Ein Grab der jüngeren Hallstattzeit mit Köcher und Pfeilen aus Kleinostheim, Ldkr. Aschaffenburg // Germania. 1978. № 56. S. 94–124.
- Willms Ch.* Der Keltenfürst aus Frankfurt: Macht und Totenkult um 700 v. Chr. Frankfurt am Main, 2002. 113 S.
- Zannoni A.* Gli scavi della Certosa di Bologna. Bologna, 1876.
- Zeller K. W.* Kriegswesen und Bewaffnung der Kelten // Die Kelten in Mitteleuropa. Kultur. Kunst. Wirtschaft. Salzburg, 1980. S. 111–132.

Эрланген — Нюрнберг,

Институт первобытной и современной истории

The article describes the burial rite and inventory obtained from one of the most interesting Celtic cemeteries of the «prince» rank. The site dating to 550 BC was investigated in Hochdorf in the vicinity of Stuttgart, Germany.

